

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-295-301

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,

ведущий научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России,

e-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ДОПУСКА АДВОКАТА В ЗДАНИЯ ОРГАНОВ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ: УДОСТОВЕРЕНИЕ СТАТУСА ИЛИ УДОСТОВЕРЕНИЕ ЛИЧНОСТИ?

Аннотация. В статье исследуется проблема законодательного расширения перечня государственных органов и учреждений, доступ в которые адвокат вправе осуществлять на основании удостоверения адвоката без предъявления паспорта гражданина Российской Федерации. На примере зданий и помещений структурных подразделений Федеральной службы судебных приставов и объектов уголовно-исполнительной системы России рассматривается соотношение профессиональных прав адвоката, режима допуска в охраняемые объекты публичной власти, полномочий судебных приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов и требования правовой определенности. Обосновывается вывод о том, что удостоверение адвоката в действующем российском регулировании прежде всего подтверждает специальный профессиональный статус, тогда как признание его самостоятельным документом, удостоверяющим личность, требует прямого и системного законодательного закрепления. Простое включение органов принудительного исполнения в перечень объектов, доступных по адвокатскому удостоверению, не устраняет проблему правоприменения, а способно породить конкуренцию норм с законодательством об органах принудительного исполнения и внутреннем режиме охраняемых государственных помещений. Предлагается рассматривать обеспечение доступа адвоката не как механическое освобождение от общих процедур идентификации, а как задачу согласования гарантий квалифицированной юридической помощи, безопасности публичных учреждений и ясности межотраслевого правового регулирования.

Ключевые слова: адвокат, адвокатура, удостоверение адвоката, правовой статус адвоката, Федеральная служба судебных приставов, органы принудительного исполнения, объекты УИС, пропускной режим, доступ к правосудию, правовая определенность.

BAZHANOV Sergey Andreevich,

Researcher, Department for Improving the Legal Regulation of the Activities of the Criminal Executive System of the Center for the Study of Management Problems and the Organization of the Execution of Sentences in the Criminal Executive System Federal Government Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

LEGAL REGIME FOR ADVOCATE ACCESS TO BUILDINGS OF ENFORCEMENT AUTHORITIES: PROOF OF STATUS OR PROOF OF IDENTITY?

Annotation. The article examines the issue of legislative expansion of the list of public authorities and institutions to which an advocate may gain access on the basis of an advocate's certificate without presenting a Russian citizen's passport. Using buildings and premises of structural subdivisions of the Federal Bailiff Service and its territorial bodies as an example, the article analyzes the correlation between the professional rights of an advocate, access control to protected public facilities, the powers of bailiffs responsible for maintaining the established order of court activities, and the requirement of legal certainty. The article substantiates the conclusion that, under current Russian regulation, an advocate's certificate primarily confirms a special professional status, while recognizing it as an independent identity document requires direct and systematic legislative consolidation. A mere inclusion of enforcement authorities in the list of facilities accessible upon presentation of an advocate's certificate does not eliminate law enforcement problems and may create a conflict of rules with legislation on enforcement authorities and internal access regimes

◇ of protected public premises. The article argues that ensuring advocate access should not be understood as a mechanical exemption from general identification procedures, but as a task of harmonizing guarantees of qualified legal assistance, security of public institutions, and clarity of intersectoral legal regulation.

◇ **Key words:** advocate, advocacy, advocate's certificate, legal status of an advocate, Federal Bailiff Service, enforcement authorities, access control, access to justice, legal certainty.

В российской правовой системе адвокатура занимает особое положение: она не входит в систему органов государственной власти, но выполняет публично значимую функцию обеспечения квалифицированной юридической помощи. Именно двойственная природа адвокатской деятельности - независимая профессиональная деятельность при очевидной конституционной значимости ее результата - обуславливает необходимость точного законодательного определения объема профессиональных гарантий адвоката. Одной из таких гарантий выступает возможность фактического доступа адвоката в государственные органы, учреждения и иные места, где осуществляется защита прав доверителя. Однако проблема доступа не сводится к физическому проходу через пункт охраны. Она затрагивает более сложный вопрос: какие юридические факты подтверждаются адвокатским удостоверением, может ли оно подменять паспорт гражданина Российской Федерации, вправе ли режимный орган требовать дополнительную идентификацию лица и каким образом должны соотноситься профессиональные гарантии адвоката с обязанностью государства обеспечивать безопасность судов, органов принудительного исполнения и иных публичных учреждений.

Актуальность указанной проблемы усиливается в связи с предложениями о расширении перечня объектов, в которые адвокат допускается по удостоверению адвоката. В центре анализа находится ситуация, когда в такой перечень предлагается включить здания и помещения структурных подразделений Федеральной службы судебных приставов и ее территориальных органов. На первый взгляд подобная инициатива направлена на укрепление гарантий адвокатской деятельности: адвокат, действующий в интересах доверителя, не должен сталкиваться с необоснованными административными барьерами, особенно если его профессиональная деятельность связана с исполнительным производством, обжалованием действий должностных лиц, участием в процессуальных действиях или получением информации, необходимой для защиты прав граждан и организаций. Вместе с тем научно-правовая оценка такого подхода требует

учитывать не только цель упрощения доступа, но и юридическую природу удостоверения адвоката, структуру межотраслевого регулирования и специальные полномочия судебных приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов и органов принудительного исполнения.

В российской доктрине адвокатура традиционно рассматривается как институт гражданского общества, призванный обеспечивать защиту прав и свобод человека и гражданина, а также представлять интересы лиц, нуждающихся в профессиональной юридической помощи [1]. Правовой статус адвоката предполагает наличие специальных квалификационных требований, членство в профессиональной корпорации, подчинение нормам законодательства об адвокатуре и профессиональной этики, а также наличие особых гарантий независимости. Как справедливо отмечается в научной литературе, статус адвоката является не только формальным допуском к профессии, но и юридическим основанием реализации комплекса профессиональных прав, необходимых для оказания квалифицированной юридической помощи [2]. Следовательно, любое регулирование порядка допуска адвоката в публичные учреждения должно исходить из того, что ограничение доступа может затруднить реализацию конституционного права доверителя на юридическую помощь. Однако столь же значимо и обратное положение: профессиональный статус адвоката не исключает действия общих правил безопасности и идентификации, если такие правила установлены законом, имеют легитимную цель и не препятствуют по существу осуществлению защиты.

Удостоверение адвоката в действующем законодательстве выполняет прежде всего статусно-подтверждающую функцию. Оно удостоверяет, что лицо приобрело статус адвоката и включено в соответствующий региональный реестр. В процессуальных отношениях этого нередко достаточно для возникновения специальных полномочий при одновременном предъявлении ордера или иного документа, подтверждающего поручение. Так, в уголовном судопроизводстве адвокат вступает в дело в качестве защитника при предъявлении удостоверения и ордера; в отношениях,

связанных с посещением подозреваемых и обвиняемых, также используется конструкция предъявления удостоверения адвоката и ордера. Но из этого не следует автоматический вывод, что удостоверение адвоката является универсальным документом, удостоверяющим личность во всех публично-правовых отношениях. Правовой смысл удостоверения состоит в подтверждении специального профессионального качества лица, тогда как паспорт гражданина Российской Федерации подтверждает гражданскую личность, реквизиты которой значимы для режима безопасности, учета посетителей и реализации контрольных полномочий должностных лиц.

Именно здесь возникает центральная коллизия. Если законодатель указывает, что адвокат проходит в определенные здания «по удостоверению адвоката», но при этом не определяет, заменяет ли такое удостоверение паспорт, сохраняется ли право охраны проверять личность, допускается ли регистрация посетителя по данным удостоверения, вправе ли должностное лицо сопоставить данные удостоверения с иным документом, возникает неопределенность. На практике она может разрешаться диаметрально противоположными способами. В одном случае удостоверение будет восприниматься как достаточное основание и для подтверждения статуса, и для идентификации личности. В другом - как документ, подтверждающий только статус адвоката, но не исключающий предъявления паспорта. В третьем - как основание допуска лишь при наличии ордера или иного подтверждения связи посещения с оказанием юридической помощи. Подобная вариативность правоприменения противоречит требованию определенности закона и создает риск как необоснованного ограничения профессиональных прав адвоката, так и необоснованного ослабления режима безопасности охраняемых объектов.

Научная дискуссия об удостоверении адвоката показывает, что проблема не является новой. А.В. Рагулин обоснованно указывал на необходимость уточнения законодательства об адвокатском удостоверении и прямо связывал правоприменительные затруднения с тем, что закон не закрепляет удостоверение адвоката как документ, подтверждающий не только статус, но и личность адвоката [3]. Данный подход важен для рассматриваемой темы: если законодатель действительно стремится освободить адвоката от обязанности предъявлять паспорт при посещении определенных публичных учреждений, необходимо не фрагментарно расширять перечень таких учреждений, а нормативно определить юридическую силу удостоверения адвоката как идентификационного документа.

Без этого любые точечные изменения будут воспроизводить прежнюю проблему в новых институциональных условиях.

При этом нельзя игнорировать и то, что адвокатское удостоверение содержит персональные данные, фотографию и иные реквизиты, позволяющие в определенной степени идентифицировать предъявителя. Однако наличие таких реквизитов само по себе не равно признанию документа удостоверяющим личность. Российское законодательство строит режим документов, удостоверяющих личность, на специальном нормативном признании, а не на фактической возможности визуального сопоставления фотографии и лица. Поэтому довод о «нелогичности» требования паспорта к адвокату является недостаточным для научного обоснования изменения закона. Логика правового регулирования требует ответа на иной вопрос: какой именно юридический факт должен быть установлен при проходе в здание органа уголовно-исполнительной системы, наличие профессионального статуса личности посетителя, связь визита с оказанием юридической помощи или одновременно все указанные обстоятельства. Пока законодатель не различает эти элементы, норма о доступе по удостоверению остается потенциально конфликтной.

Особое значение имеет специфика зданий и помещений Федеральной службы судебных приставов и ее территориальных органов. Органы принудительного исполнения реализуют властные полномочия, связанные с исполнением судебных актов, актов иных органов и должностных лиц, обеспечением установленного порядка деятельности судов, применением мер принуждения, хранением служебной информации, организацией приема граждан и взаимодействием с участниками исполнительного производства. Научные исследования правового положения ФССП подчеркивают, что деятельность данной службы имеет одновременно правоприменительный, организационно-охранительный и обеспечительный характер [5]. Следовательно, доступ в помещения таких органов не может регулироваться исключительно через призму удобства адвокатской деятельности. Он затрагивает безопасность должностных лиц, сохранность материалов исполнительных производств, защиту персональных данных, режим служебных помещений и порядок приема посетителей.

Законодательство об органах принудительного исполнения наделяет судебных приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов правом проверять документы, удостоверяющие личность, у лиц,

находящихся в зданиях и помещениях судов, а также в зданиях и помещениях органов принудительного исполнения. Это полномочие имеет самостоятельную правовую природу и направлено не на ограничение адвокатской деятельности, а на обеспечение установленного порядка и безопасности. Если в законодательство об адвокатуре будет включено положение о проходе адвоката в такие помещения исключительно по удостоверению адвоката, но одновременно не будет изменена или согласована норма о праве пристава проверять документы, удостоверяющие личность, возникнет межотраслевая конкуренция. Один закон будет восприниматься как исключающий предъявление паспорта, другой - как сохраняющий право должностного лица требовать документ, удостоверяющий личность. На уровне правоприменения это приведет не к расширению гарантий адвоката, а к увеличению конфликтов на входе в государственное учреждение.

Такой конфликт особенно опасен потому, что он будет возникать не в абстрактной правовой ситуации, а непосредственно в момент осуществления адвокатом профессиональной функции. Отказ в проходе или задержка допуска может повлечь пропуск процессуального срока, невозможность участия в исполнительном действии, несвоевременное обжалование постановления судебного пристава-исполнителя, невозможность оперативной консультации доверителя. Вместе с тем и должностное лицо, ответственное за пропускной режим, окажется в ситуации неопределенности: допустить адвоката без паспорта и тем самым рискнуть нарушить инструкции безопасности либо потребовать паспорт и столкнуться с обвинением в воспрепятствовании адвокатской деятельности. Правовая норма, порождающая подобный выбор без ясного критерия разрешения, не отвечает требованиям качества закона.

Принцип правовой определенности занимает особое место в российской конституционно-правовой доктрине и практике Конституционного Суда Российской Федерации. В научной литературе подчеркивается, что правовая определенность требует ясности, непротиворечивости, предсказуемости и согласованности нормативного регулирования [7]. Для сферы адвокатской деятельности это требование имеет повышенное значение, поскольку неопределенность процедур доступа к государственным органам затрагивает не только интересы адвоката как профессионального участника правоотношения, но и права доверителя. Норма, устанавливающая профессиональную гарантию, должна быть сформулирована так, чтобы ее адресаты -

адвокат, судебный пристав, сотрудник охраны, должностное лицо органа принудительного исполнения и доверитель - одинаково понимали объем прав и обязанностей. Если же формула «по удостоверению адвоката» не отвечает на вопрос о допустимости дополнительной идентификации, она не обеспечивает требуемой предсказуемости.

Сравнение с доступом адвокатов в суды также демонстрирует сложность проблемы. Суды являются пространством осуществления правосудия, доступ к которому имеет самостоятельное конституционное значение. Однако даже в отношении судов действуют правила внутреннего распорядка и пропускного режима, предусматривающие предъявление документов, удостоверяющих личность. Верховный Суд Российской Федерации признавал правомерность установления пропускного режима в судах при условии, что он не нарушает права граждан на доступ к правосудию. Это означает, что наличие конституционно значимой функции не отменяет организационных правил безопасности. Следовательно, в отношении органов принудительного исполнения тем более необходимо устанавливать баланс между профессиональным доступом адвоката и полномочиями должностных лиц по обеспечению порядка.

Важным является различие права адвоката на доступ к доверителю и права прохода в административное здание. В работах, посвященных праву адвоката-защитника на беспрепятственные встречи с доверителем, обоснованно подчеркивается, что данное право имеет содержательный характер: оно связано с возможностью оказания юридической помощи, конфиденциального общения, подготовки позиции и реализации права на защиту [4]. Ограничения, фактически лишаящие адвоката возможности встретиться с доверителем, могут быть признаны нарушающими существо профессиональной гарантии. Однако проход в здание органа принудительного исполнения не всегда равнозначен встрече с доверителем или участию в процессуальном действии. Адвокат может прибыть для подачи документов, ознакомления с материалами исполнительного производства, участия в приеме, получения информации, сопровождения доверителя, фиксации процессуальных нарушений. Все эти формы деятельности юридически значимы, но они различаются по степени срочности, режиму помещения и необходимому набору документов. Поэтому универсальная формула допуска без учета цели посещения может оказаться чрезмерно упрощенной.

Вместе с тем критика предлагаемого расширения не должна восприниматься как

отрицание необходимости защищать адвоката от бюрократических барьеров. Практика показывает, что требование дополнительных документов иногда используется не как средство безопасности, а как способ затруднить профессиональную деятельность. Это особенно чувствительно в публично-правовых спорах, где адвокат противостоит органу власти или должностному лицу. В подобных ситуациях государство обязано создавать такие процедуры, которые исключают произвольное усмотрение сотрудников пропускного режима. Если адвокат предъявляет удостоверение и документы, подтверждающие поручение или цель визита, отказ в доступе должен быть исключением, основанным на прямо предусмотренных законом обстоятельствах, например наличии запрещенных предметов, угрозе безопасности, нерабочем времени при отсутствии срочной процессуальной необходимости, отсутствии должностного лица, уполномоченного обеспечить прием, либо обращении в помещение с ограниченным режимом доступа. Но и эти основания должны быть сформулированы не ведомственной практикой, а нормативно определенным порядком.

Оптимальным направлением регулирования представляется не простое добавление ФССП в перечень объектов, доступных по удостоверению адвоката, а комплексное уточнение правовой природы адвокатского удостоверения и процедур допуска адвоката в публичные учреждения. Первый вариант состоит в прямом признании удостоверения адвоката документом, удостоверяющим личность адвоката при осуществлении им профессиональной деятельности. Но такой вариант требует изменения не только законодательства об адвокатуре, но и согласования с законодательством о документах, удостоверяющих личность, о персональных данных, о пропускном режиме, о судебных приставах, о содержании под стражей и о защите охраняемых объектов. Иначе признание будет декларативным. Второй вариант состоит в сохранении за удостоверением адвоката статусно-подтверждающей функции при одновременном закреплении обязанности органов принудительного исполнения обеспечивать ускоренный и недискриминационный порядок допуска адвокатов при предъявлении удостоверения и, когда это необходимо, ордера или иного документа, подтверждающего поручение. В этом случае паспорт может требоваться только для целей идентификации и регистрации, но не должен превращаться в средство отказа в реализации профессиональных прав.

Предпочтительным представляется

смешанный подход. Закон может установить, что удостоверение адвоката является достаточным документом для подтверждения статуса адвоката и основанием применения специальных гарантий доступа, но не исключает проверки личности в случаях и порядке, прямо предусмотренных федеральным законом для охраняемых объектов. Одновременно следует закрепить, что такая проверка не может использоваться для воспрепятствования адвокатской деятельности, должна осуществляться незамедлительно, без изъятия удостоверения, без копирования данных сверх необходимого объема и без требования документов, не связанных с целью посещения. Для органов принудительного исполнения целесообразно предусмотреть специальное правило: адвокат допускается в зоны приема граждан и помещения, предназначенные для ознакомления с материалами исполнительного производства или участия в исполнительных действиях, при предъявлении удостоверения адвоката и документа, подтверждающего полномочие или цель визита; проверка личности допускается в пределах полномочий судебного пристава по обеспечению установленного порядка, но не может служить самостоятельным основанием отказа при отсутствии угрозы безопасности или иных прямо предусмотренных законом обстоятельств.

Такой подход позволяет сохранить баланс частного и публичного интереса. Частный интерес выражается в праве доверителя на своевременную и эффективную юридическую помощь. Публичный интерес заключается в обеспечении безопасности государственных учреждений, надлежащей организации работы органов принудительного исполнения и предотвращении злоупотреблений пропускным режимом. Адвокатура, будучи институтом гражданского общества, не должна ставиться в зависимость от произвольного административного усмотрения; однако и государственный орган, отвечающий за принудительное исполнение и безопасность, не может быть лишен базовых инструментов идентификации посетителей. Правовой компромисс должен состоять не в безусловной отмене паспортного контроля, а в исключении его избыточного и дискриминационного применения.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о соотношении удостоверения адвоката и ордера. Удостоверение подтверждает статус, ордер - связь адвоката с конкретным поручением в случаях, когда такая форма подтверждения предусмотрена законом. Если адвокат обращается в орган принудительного исполнения по вопросу доверителя, сам факт наличия статуса не всегда достаточен для доступа к материалам исполнительного

производства, содержащим персональные данные и сведения ограниченного доступа. Следовательно, при ознакомлении с материалами дела, участии в исполнительных действиях или получении информации о доверителе орган вправе проверять не только статус адвоката, но и полномочие на представление интересов конкретного лица. Однако это не тождественно проверке паспорта. Законодатель должен разграничить три самостоятельных элемента: удостоверение статуса, удостоверение личности и подтверждение полномочий. Смешение этих элементов является источником большинства практических конфликтов.

Применительно к органам ФССП такое разграничение особенно важно, поскольку исполнительное производство связано с большим количеством участников: взыскателем, должником, представителями сторон, третьими лицами, специалистами, переводчиками, понятыми, сотрудниками иных органов. Наличие у посетителя статуса адвоката не означает автоматического права доступа ко всем материалам и помещениям. Но оно означает, что при подтверждении профессиональной цели визита государственный орган обязан обеспечить режим, позволяющий адвокату реализовать поручение без необоснованной задержки. Иными словами, адвокатское удостоверение должно включать специальный механизм приоритетного профессионального доступа, но не должно превращаться в универсальный пропуск во все служебные зоны органа принудительного исполнения.

В научном смысле рассматриваемая проблема показывает пределы фрагментарного законодательства. Внесение точечной поправки в одну статью закона об адвокатуре может казаться простым способом решения практической проблемы, но в действительности такая поправка затрагивает смежные институты административного, процессуального, конституционного и правоохранительного регулирования. Если новая норма не согласована с уже действующими полномочиями судебных приставов, правилами внутреннего распорядка, требованиями безопасности и режимом обработки персональных данных, она не повысит уровень гарантий, а лишь перенесет спор из плоскости ведомственной практики в плоскость законодательной коллизии. Для законодательства, регулирующего профессиональные гарантии адвоката, это особенно недопустимо, поскольку любая неопределенность будет разрешаться в условиях властного неравенства между адвокатом и органом публичной администрации.

Доступность правосудия и доступность

юридической помощи не должны пониматься как абсолютное отрицание режимных процедур. В современной доктрине доступность правосудия раскрывается через совокупность организационных, процессуальных, территориальных, информационных и финансовых условий, позволяющих лицу реально воспользоваться судебной защитой [6]. В этой логике доступ адвоката в органы принудительного исполнения является одним из организационных условий защиты права, особенно на стадии исполнения судебного акта. Но доступность не означает отсутствие правил; напротив, она требует таких правил, которые понятны, единообразны и не создают необоснованных препятствий. Поэтому закон должен не устранять пропускной режим, а подчинять его критериям законности, соразмерности, недискриминационности и процессуальной предсказуемости.

В заключение следует отметить, что расширение перечня мест, в которые адвокат вправе проходить на основании удостоверения адвоката, само по себе не может рассматриваться как безусловно эффективная гарантия профессиональной деятельности. Проблема доступа адвоката в здания и помещения органов принудительного исполнения имеет системный характер и обусловлена неопределенностью юридической природы адвокатского удостоверения, отсутствием единого порядка идентификации адвоката при осуществлении профессиональной деятельности и конкуренцией норм законодательства об адвокатуре с нормами, регулирующими безопасность судов и органов принудительного исполнения. Удостоверение адвоката в действующей модели права подтверждает специальный профессиональный статус; признание его документом, удостоверяющим личность, требует прямого законодательного решения и межотраслевого согласования. Простая формула допуска «по удостоверению адвоката» без уточнения пределов проверки личности и полномочий судебных приставов способна породить правовую неопределенность, а значит, не отвечает задаче качественного законодательного регулирования. Наиболее обоснованным является комплексный подход, при котором адвокату гарантируется ускоренный, недискриминационный и предсказуемый доступ в органы принудительного исполнения для оказания юридической помощи, а должностные лица сохраняют строго ограниченные законом полномочия по обеспечению безопасности и идентификации посетителей. Такой подход позволяет одновременно защитить конституционное право на квалифицированную юридическую помощь, обеспечить устойчивость

режима публичных учреждений и устранить риск произвольного применения норм, регулирующих профессиональную деятельность адвоката.

Список литературы:

[1] Галушкин А. А., Тимошенко Д. Ю. Адвокатура в Российской Федерации на современном этапе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2013. № 2. С. 74–84.

[2] Соловьева Ю. И. Правовой статус адвоката в условиях судебной реформы в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 4. С. 289–296.

[3] Рагулин А. В. Положения российского законодательства об удостоверении адвоката нуждаются в уточнении! // Евразийская адвокатура. 2015. № 4 (17). С. 24–28.

[4] Рагулин А. В. Право адвоката-защитника на беспрепятственные встречи с доверителем: вопросы теории и практики // Евразийская адвокатура. 2015. № 1 (14). С. 31–40.

[5] Штефан Д. И. Федеральная служба судебных приставов и ведомственная охрана судебного департамента: перспективы развития // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 3 (91). С. 145–152.

[6] Тремполец Л. А. Содержание принципа доступности административного судопроизводства в Российской Федерации // Евразийская адвокатура. 2022. № 3 (58). С. 47–54. DOI: 10.52068/2304-9839_2022_58_3_47.

[7] Ковтун Н. Н., Зорин А. А. Принцип правовой определенности в системе правовых позиций и итоговых выводов Конституционного Суда РФ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2015. № 3 (28). С. 119–129.

[8] Амиров Д. С. Права и обязанности судебного пристава по обеспечению

установленного порядка деятельности судов : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14. Саратов, 2007. 180 с.

References:

[1] Galushkin A. A., Tymoshenko D. Yu. Advocacy in the Russian Federation at the present stage//Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. 2013. № 2. S. 74-84.

[2] Solovyova Yu. I. Legal status of a lawyer in the context of judicial reform in the Russian Federation//Actual problems of Russian law. 2012. № 4. S. 289-296.

[3] A. V. Ragulin. The provisions of the Russian legislation on the certification of a lawyer need to be clarified !//Eurasian Bar. 2015. № 4 (17). S. 24-28.

[4] Ragulin A. V. The right of a defense lawyer to unhindered meetings with the client: questions of theory and practice//Eurasian advocacy. 2015. № 1 (14). S. 31-40.

[5] Stefan D.I. Federal Bailiff Service and Departmental Security of the Judicial Department: Development Prospects//Bulletin of O. E. Kutafin University (MSLA). 2022. № 3 (91). S. 145-152.

[6] Trempolets L. A. Content of the principle of accessibility of administrative proceedings in the Russian Federation//Eurasian Bar. 2022. № 3 (58). S. 47-54. DOI: 10.52068/2304-9839_2022_58_3_47.

[7] Kovtun N. N., Zorin A. A. The principle of legal certainty in the system of legal positions and final conclusions of the Constitutional Court of the Russian Federation//Bulletin of Volgograd State University. Series 5: Jurisprudence. 2015. № 3 (28). S. 119-129.

[8] Amirov D. S. Rights and obligations of the bailiff to ensure the established procedure for the activities of the courts: dis.... cand. jurid. Sciences: 12.00.14. Saratov, 2007. 180 s.

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «ЮРКОМПАНИ»
издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.